

„НАША ЧИТАЛЬНЯ“

БРАТЪ ВОЛКОВЪ

РАЗСКАЗЫ

Редіарда Киплинга.

Томикъ первый.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“.

за 1904 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Дедорова-Давыдова.

Второе изданіе.

„НАША ЧИТАЛЬНЯ“

БРАТЪ ВОЛКОВЪ

РАЗСКАЗЫ

Редіарда Киплинга.

ТОМИКЪ ПЕРВЫЙ

Съ рисунками въ текстѣ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“.

за 1904 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Федорова-Давыдова.

Второе изданіе.

Дозволено цензурою. Москва, 20 октября 1903 г.

Редіардъ Киплингъ.

Братъ волковъ.

Вечерь опустился на Сеонійскія горы, но жара все еще не спадала. Старый волкъ проснулся, зѣвнулъ и вытянулъ лапы... Рядомъ съ нимъ лежали волчица и четыре волченка... Яркая, полная луна сіяла на небѣ...

— Пора на охоту!.. — молвилъ, поднимаясь, волкъ, какъ вдругъ у входа въ логово показалась чья-то тѣнь...

— О, могучій волкъ!.. — раздался знакомый вой, — да будетъ твоя охота удачна, да будутъ счастливы твои волчата, со своими страшными зубами!.. Но пусть они помнятъ и о всѣхъ бѣдныхъ, голодныхъ, безпомощныхъ на землѣ, въ родѣ меня.

То былъ шакалъ Табакки, который постоянно у всѣхъ выпрашивалъ себѣ подачки... Какъ всѣ шакалы, онъ всякому готовъ былъ сдѣлать ка-

кое-нибудь зло, и волки, да и многіе другіе, ненавидятъ его за это... Но шакалы часто бѣсятся и тогда, не помня себя, бѣгаютъ по джунглямъ *) и кусаютъ всѣхъ,—вотъ почему почти всѣ звѣри боятся шакаловъ.

— Иди, пожалуй, въ логово; только ѣды у насъ про тебя не осталось,—угрюмо проворчалъ волкъ.

— Ну, мы, вы... Мы каж дорожимъ, — вбѣжалъ въ волчье логово.

шакалы, не разборчивой голой косточкой отвѣтилъ Табакки и

Онъ недолго шарилъ тамъ по угламъ и живо нашелъ обглоданную кость и съ жадностью принялся за нее.

— Ну, вотъ и спасибо вамъ за это! — сказалъ онъ и облизнулся; потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ: — А знаете, Ширъ-ханъ теперь скоро снова будетъ охотиться вотъ здѣсь, въ этихъ горахъ.

*) Джунглями въ Индіи называется низкое болотистое мѣсто, заросшее камышемъ, мѣстами — лѣсомъ, любимое мѣстопробываніе дикихъ животныхъ.

Онъ говорилъ про тигра, который жилъ у рѣки Вайнъ-Ганги, миляхъ въ двадцати отсюда...

— Нѣтъ!..—гнѣвно воскликнулъ волкъ,—онъ этого не смѣетъ!.. По законамъ джуглей, Ширъ-ханъ обязанъ предупредить всѣхъ объ этомъ, а потомъ уже переходитъ охотиться на другое мѣсто. Онъ на всю окрестность наведетъ ужасъ своей охотой!.. Особенно на домашній скотъ...

— Мать Ширъ-хана назвала его хромымъ, да онъ и дѣйствительно хромоу; оттого - то Ширъ-ханъ и нападаетъ на домашнюю скотину... Придетъ сюда, станетъ рѣзать скотъ, и всѣхъ поселянъ вооружить противъ насъ, — вотъ горе!.. Онъ - то уберется во - свояси, а поселяне будутъ мстить намъ, придутъ въ джунгли, всю траву выжгутъ... Куда намъ тогда дѣваться?.. Ну, право, можно сказать спасибо этому хромоу разбойнику!..—гнѣвно замѣтила волчица.

— Хотите, я ему передамъ ваше спасибо? — ядовито спросилъ Табакки.

— Ступай прочь!.. — взревѣлъ волкъ, оцѣтѣнясь. — Иди къ своему господину, но берегись!..

И вдругъ волкъ насторожился весь. Издалека, съ долины у рѣки до его слуха внезапно донесся зловѣщій, унылый ревъ тигра Ширъ-хана.

— Да онъ распугаетъ всѣхъ косулей!.. — воскликнулъ волкъ. — Развѣ такъ можно выходить на охоту?..

— Этой ночью онъ охотился не за косулями, а за челоуѣкомъ...—сказала волчица.

Теперь было слышно, какъ тигръ сталъ какъ-то страшно мурлыкать; люди, живущіе въ джунгляхъ подъ открытымъ небомъ, въ ужасъ приходятъ отъ этого мурлыканья; оно означаетъ, что тигръ близко, намѣтилъ жертву и вотъ - вотъ бросится на нее.

Законы джунглей — мудры: они запрещаютъ звѣрю убивать людей, потому что какъ только человѣкъ попадетъ въ лапы звѣря, въ джунгли врываються бѣлые и черные люди съ огнемъ и ружьями, и тогда плохо приходится всѣмъ звѣрямъ отъ такого вторженія.

Въ эту минуту тигръ взревѣлъ страшнымъ голосомъ, и вдругъ завылъ, — завылъ не то жалобно, не то досадливо... Это означало, что охота Ширъ-хану не удалась...

Волкъ вышелъ изъ логова и прислушался... Слышалось, какъ, словно обезумѣвъ, тигръ бѣшено кидается изъ стороны въ сторону...

— Кто-то идетъ сюда!.. — шепнула внезапно волчица. — Будь готовъ!..

Зашумѣли кусты; волкъ припалъ къ землѣ, замеръ...

— Да это дѣтенышъ человѣка!.. — воскликнулъ онъ внезапно. — Смотри, смотри!..

И точно, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стоялъ нагой, смуглый мальчикъ, крѣпко держась за низко опустившійся сучокъ, потому что ноги его были слабы; онъ, видимо, еще только

недавно выучился ходить... Глянулъ на волка и весело, бойко разсмѣялся...

— Дай-ка его сюда,—я никогда не видала дѣтей человѣка,—сказала волчица...

Волкъ ловко и осторожно умѣлъ таскать въ зубахъ своихъ волчатъ... Осторожно взялъ онъ пастью за шею ребенка сзади, поднялъ его, поднесъ къ волчатамъ и тихо-тихо положилъ около нихъ. Ни царапинки, ни легкаго укуса не оказалось на тѣлѣ ребенка...

— Какой крохотный, весь голый, -- но смѣ-

лый!.. -- нѣжно произнесла волчица. — Посмотри, онъ прижался ко мнѣ и сосетъ молоко вмѣстѣ съ волчатами!..

Огромная, круглая голова разъяреннаго тигра просунулась въ волчье логово въ это мгновеніе...

— Великій Ширъ-ханъ жалуется къ вамъ! — взвылъ Табакки.

Волкъ сердито вскинулъ глазами.

— Что надо здѣсь Ширъ-хану?—сурово спросилъ онъ.

— Отдай мою добычу!.. Маленькій человѣкъ забѣжалъ сюда!—бѣшено заревѣлъ Ширъ-ханъ, сверкая глазами. — Отецъ и мать его убѣжали отъ него... Отдай мнѣ его сейчасъ же, слышишь, волкъ?..

Но волкъ нисколько не испугался его. Входя въ логово былъ узкій, и тигръ никакъ не могъ бы пролѣзть черезъ него въ нору...

— Мы, волки,—свободное племя, и подчиняемся мы главѣ волковъ!—сказалъ холодно волкъ,—и исполнять приказанія какого-то Ширъ-хана я не обязанъ!.. Ребенокъ нашъ и жизнь его въ нашей власти!

— Эй, вы!.. Долго ли мнѣ еще стоять передъ вашей собачьей норой?.. Я ничего не хочу знать, кромѣ того, что вы должны исполнить мой приказъ... Это говорю вамъ я, самъ Ширъ-ханъ!..

И громомъ раскатился дикій, гнѣвный ревъ раздраженнаго тигра. Волчица бросилась къ нему, и ея зеленоватые, страшные глаза такъ и впились въ сверкающіе глаза Ширъ-хана.

— Дѣтенышъ мой!.. Слышишь ты, хромой разбойникъ, мой, мой, мой!.. И я не дамъ убить его... Онъ станетъ жить съ нами, съ нашимъ племенемъ, будетъ охотиться вмѣстѣ съ нами... А потомъ, да, потомъ... Слышишь ли ты меня?.. Потомъ онъ убьетъ тебя за твою злобу, коварство и хитрость... А теперь убирайся отсюда

прочь, или ты пойдешь отсюда хромой и на другую лапу!.. Слышишь ли ты?.. Убирайся отсюда!..

Не страшень тигру волкъ, это такъ, — но у волчицы были дѣти, для защиты которыхъ она себя не пожалѣла бы, и потому Ширъ-ханъ отпрянулъ отъ входа въ логово и заревѣлъ:

— Сильна собака у себя за заборомъ!.. Врядъ ли только волчье племя позволить тебѣ выкармливать человѣческаго дѣтеныша?.. Я добылъ этого человѣка, и ужъ рано ли, поздно ли, а я его убью!..

Волчица, тяжело дыша, опустилась около волчатъ.

— Это правда. — сказалъ волкъ, — надо дать знать нашему племени объ этой находкѣ. Ты его у себя оставишь?

— Конечно!.. Онъ ничего не боялся, когда шелъ сюда ночью одинъ, нагой, голодный... Тигръ убилъ бы его да и убѣжалъ бы; а на насъ нагрянули бы поселяне, и мы бы должны были отвѣчать за жизнь этого ребенка. Лежи себѣ, Маугли-лягушка, набирайся силы. Придетъ время,—и одолѣешь ты злого Ширъ-хана!..

По закону джунглей, всякій волкъ можетъ отстать отъ своихъ родичей и завести собственную семью. Разъ въ мѣсяцъ, въ полнолуіе, собираются волки всѣ вмѣстѣ на совѣтъ и приво-

дять сюда своихъ волчатъ,—пусть всѣ видятъ ихъ и запомнятъ. Волчата потомъ бѣгутъ, куда глаза глядятъ, но прежде чѣмъ они не войдутъ въ силу на охотѣ,—никто не можетъ убивать ихъ.

Шло время, волчата подрастали; и вотъ разъ старый волкъ отправился со всей семьей и Маугли на утесъ совѣта волковъ, который поднимался на вершинѣ каменистаго кургана. Здѣсь до сотни волковъ могли помѣститься свободно.

Вождь племени Акела, — огромный, старый волкъ, извѣстный своимъ умомъ и силой, — лежалъ на утесѣ въ ожиданіи сбора волковъ. Ниже его, по скатамъ кургана, сидѣло волковъ около сорока разныхъ возрастовъ. Уже годъ, какъ Акела былъ вождемъ волковъ, — на него люди много разъ охотились, но ему постоянно удавалось избѣгать опасности. Вотъ почему онъ зналъ хорошо нравы людей, и въ этомъ было его преимущество.

Волчата играли другъ съ дружкой... Взрослые волки ходили между ними, разсматривали ихъ... Иная волчица вытаскивала своего волченка на открытое мѣсто, — пусть-де его хорошенько замѣтятъ всѣ... Тогда Акела взывалъ громкимъ голосомъ:

— Смотрите и запоминайте его, волки!.. Таковъ законъ нашего племени!..

Подошелъ нашъ знакомый волкъ и ввелъ въ середину круга волковъ Маугли... Мальчикъ

опустился на землю и съ веселой улыбкой сталъ играть камешками...

— Смотрите на него хорошенько! — завылъ-было Акела, не поднимая головы, но страшное рычаніе Ширъ-хана внезапно покрыло его голосъ:

— Онъ мой!.. Вы должны его отдать мнѣ!.. На что волкамъ человѣческій дѣтенышъ?..

— Рѣшайте, волки, сами.. намъ нѣтъ дѣла до желаній и требованій постороннихъ!.. Смотрите и рѣшайте дѣло сами!..

Какой-то молодой волкъ заревѣлъ:

— На что нуженъ намъ, волкамъ, этотъ человѣкъ?.. По закону джунглей, если не хотятъ принять въ стадо волковъ дѣтеныша всѣ единогласно, то хотя двое должны подать голосъ за него, кромѣ отца и матери...

— Такъ кто же подастъ голосъ за дѣтеныша? — заревѣлъ снова Акела.

Кругомъ царило молчаніе... Волчица уже гнѣвно расправляла когти, готовясь къ битвѣ, но внезапно медленно поднялся съ земли и сталъ на заднія лапы старый медвѣдь Бало. Онъ пользовался бѣльшимъ почетомъ, потому что училъ молодыхъ волчатъ законамъ джунглей, — оттого онъ и могъ одинъ изъ постороннихъ присутствовать на совѣтѣ волковъ.

— Слушайте, — зарычалъ онъ, — пусть человѣческій дѣтенышъ останется у насъ и войдетъ

въ наше племя! Что злого можетъ сдѣлать онъ намъ?... А я буду учить его нашимъ законамъ.

— Одного голоса твоего мало!—сказалъ Акела.—Кто подастъ голосъ еще?..

Большая, черная пантера съ ярко желтыми пятнами, — Багера, — мягко, какъ кошка, в прыгнула на середину круга... Ее боялись всѣ: она была смѣла, какъ буйволъ, лукава, какъ шакаль, и невозмутима, какъ слонъ, а голосъ у нея былъ сладкій, какъ медъ, и шерсть — мягкая, пушистая.

— Я не могу подать своего голоса, о, Акела, и вы, волки, — мягко заревѣла она. — Но, по закону джунглей, я могу внести выкупъ за дѣтеныша, не принимаемаго въ семью волковъ, потому что въ законѣ не сказано, кто именно долженъ вносить выкупъ.

— Отлично!.. Вѣрно!.. — подхватили голодные молодые волки. — Слушайте черную пантеру!

— Одинъ позоръ — убивать беззащитнаго, голого дѣтеныша, — продолжала мягкимъ голосомъ пантера, — а можетъ статься, онъ и пригодится намъ... Я же внесу за ребенка откормленнаго быка, котораго я убила и оставила лежать недалеко отсюда.

— Вѣрно, вѣрно!.. — раздался общій вой. — Къ тому же, все равно, онъ не выживетъ долго, — его сожжетъ солнцемъ, а не то онъ умретъ отъ зимнихъ дождей... Какой отъ него можетъ быть

вредъ?.. Примемъ его къ себѣ... Подай намъ выкупъ, быка, Багера!..

— Рѣшайте, волки!.. И разсматривайте его хорошенько!—крикнулъ старый Акела.

А ребенокъ все игралъ да игралъ камешками и, казалось, не замѣчалъ даже, какъ волки подбѣгали къ нему, осматривали и обнюхивали его,

Скоро волки бросились къ убитому Багерой быку, на мѣстѣ совѣта остались только Акела, Бало, Багера и семья волка съ Маугли.

А издали все еще доносилось сердитое рычаніе разгнѣваннаго тигра...

— Такъ-то лучше! — промолвила Багера насмѣшливо.—Вой себѣ на голову, — скоро наступитъ время, когда ты завоешь отъ этого голаго, маленькаго существа!.. У-гу-гу!.. Вой себѣ, вой!..

— Все хорошо, что хорошо кончается!..—молвилъ Акела.—Люди и ихъ дѣти куда какъ умны!.. Кто знаетъ, можетъ, онъ сослужить намъ большую службу, будетъ вождемъ волковъ.

— Да, помощь во-время всегда хороша!.. — и какъ бы про себя Багера добавила:—Никто вождемъ не остается до конца жизни.

Ничего не отвѣчалъ ей Акела. Онъ и самъ думалъ о томъ страшномъ часѣ, когда вождь волковъ теряетъ свои силы, слабѣетъ, и когда волки же убиваютъ его сами... И тогда выбираютъ новаго вождя, которому тоже суждено умереть впослѣдствіи отъ зубовъ своихъ братьевъ.

— Ну, уводи отсюда дѣтеныша человѣка, —

сказалъ Акела старому волку, — и воспитай его, какъ подобаесть молодому волку среди нашего свободного племени.

Вотъ какъ случилось то, что Маугли приняли въ семью Сеонійскихъ волковъ по заступничеству медвѣдя Бало и по выкупу Багеры — откормленному быку.

Танецъ голода питона Каа.

То случилось въ то время, когда Бало училъ Маугли законамъ джунглей. Почтенный, старый медвѣдь былъ несказанно радъ такому способному ученику; молодые волчата обыкновенно выучивали только самыя важныя правила, которыя касались ихъ племени, а, на примѣръ, охотничье правило: „Ноги, что ступаютъ неслышно, глаза, что во тьмѣ видятъ, уши, что говоръ вѣтра различаютъ, и острые, бѣлые зубы, что рѣжутъ словно ножикъ, — по этимъ примѣтамъ узнаешь ты нашихъ братьевъ, отличишь насъ отъ гіенъ, и шакаловъ, которыхъ мы ненавидимъ“, — это правило они и слышать не хотѣли и разбѣгались въ разныя стороны.

Но Маугли легко могъ выучить все это. Частенько забѣгала Багера, послушать, какъ и чему учится ея любимчикъ, а сама мурлыкала и, БРАТЬ ВОЛКОВЪ.

ласкаясь, терлась у ногъ Маугли своей страшной головой, пока тотъ отвѣчалъ свой урокъ. Быстро позналъ Маугли искусство плавать, лазать, бѣгать—да такъ, что на деревьяхъ могъ соперничать съ обезьянами, а въ водѣ—съ рыбами. Къ тому же мудрый Бало научилъ его законамъ воды и лѣса; онъ объяснилъ ему, какъ можно отличать засохшія вѣтви отъ свѣжихъ; какъ ему слѣдуетъ говорить съ дикими пчелами, когда онъ встрѣтитъ ихъ улей на деревьяхъ на высотѣ семи сажень надъ землею; какъ ему надо извиниться передъ летучей мышью Мангомъ, если онъ потревожитъ ее сонъ; какой знакъ долженъ онъ подать водянымъ змѣямъ передъ тѣмъ, какъ онъ сойдетъ въ тину или бросится въ воду...

Обитатели джунглей терпѣть не могутъ, когда нарушаютъ ихъ покой, и со-слѣпу прямо бросаются на потревожившаго ихъ. Кромѣ того, Маугли выучилъ „чужой охотничій призывъ“; его надо повторять тѣмъ, кто охотится во владѣніяхъ другихъ звѣрей, до тѣхъ поръ, покамѣстъ не получишь на то позволенія. А просьба эта такая:— „Дайте мнѣ поохотиться здѣсь, потому что я голоденъ!“.. А отвѣтъ таковъ: „Охоться для утоленія голода, но не ради забавы!“

Изъ этого видно, что мальчику многому приходилось учиться; но вскорѣ ему надоѣло повторять по сто разъ одно и то же. Однако, Бало строго слѣдилъ за нимъ и послѣ одного наказанія Маугли за лѣнь сказалъ Багерѣ:

— Дѣтенышъ человѣка долженъ знать всѣ законы джунглей, какъ законы своего племени.

— Да вѣдь онъ маленькій, — сказала Багера, — гдѣ же ему удержать все это въ своей маленькой головѣ?

— А развѣ есть такая дичь, за которой онъ бы не могъ охотиться, хоть онъ и маленький? Эге... Конечно, нѣтъ!.. По способностямъ его я ему мало и спускаю... Да и бью я его лапой нѣжно и слегка!..

— Нѣжно!.. Понимаешь ты нѣжность, — ты, старый съ желѣзными лапами! — пробурчала Багера. — Все лицо у него сегодня исцарапано...

— Лучше пусть голова у него болитъ теперь, чѣмъ потомъ платиться ему цѣлой жизнью. Я учу его изреченіямъ, которыя предохраняютъ его въ послѣдствіи отъ нападеній на него птицъ, змѣй и всѣхъ хищниковъ. И потомъ въ джунгляхъ онъ найдетъ у всѣхъ звѣрей защиту и покровительство.

— Только смотри, не убей его у меня!.. А какія же это изреченія? Я хоть предпочитаю щадить другихъ, не прося пощады себѣ, а хотѣла бы все-таки знать эти слова!.. — и Багера вытянула лапу и выпустила свои стального цвѣта, словно желѣзные, когти.

— А вотъ я позову его... Иди сюда, маленький братъ!

— Моя голова гудитъ, словно улей! — слышался недовольный голосъ надъ ихъ головами;

вслѣдъ затѣмъ раздался шорохъ въ вѣтвяхъ и Маугли соскользнулъ со ствола на землю. Съ

сердитымъ лицомъ онъ упрямо молвилъ:

— Я сошелъ къ Багерѣ, а вовсе не къ тебѣ, толстый Бало!

— Все равно, — сказалъ Бало, немного поморщась, — вотъ повтори Багерѣ тѣ изреченія, что ты нынче училъ.

— А чьего племени джунглей? — спросилъ Маугли, радуясь случаю блеснуть своею мудростью. — Въ джунгляхъ много разныхъ условныхъ знаковъ. Я знаю ихъ всѣ.

— Фу, фу, фу!.. Хвастунъ!.. Да ты знаешь только два - три изреченія, а далеко не всѣ.

Видишь, Багера, какая благодарность бываетъ учителю? Ни одинъ волченокъ ни разу не приходилъ поблагодарить меня. Бррр! Ну, ты, ученый, скажи общее охотничье изреченіе.

Маугли приложилъ руку ко рту и крикнулъ:

Гляди смѣлѣй, не трусь меня,—

Зла не держи ты наготовѣ,—

Вѣдь я и ты, и ты, и я —

Одной съ тобой мы оба крови!..

— Такъ...—сказалъ Бало. —А призывъ птицъ!..

Маугли повторилъ изреченіе, но въ концѣ прибавилъ продолжительный свистъ ястреба.

— А ядовитыхъ змѣй?..

Въ отвѣтъ раздалось неопишное, рѣзкое шипѣніе. Затѣмъ Маугли затопалъ ногами, захопалъ руками, вскочилъ на спину Багеры и сталъ колотить ногами по ея блестящимъ бокамъ, строя страшныя гримасы учителю.

— Это мнѣ нравится,—сказалъ медвѣдь, нѣжно рыча.—Будешь же ты меня потомъ благодарить, мой маленькій братъ!..

И тутъ онъ передалъ, какъ эти изреченія онъ самъ выучилъ у дикаго слона Хатти, самаго мудраго обитателя джунглей.

— О, да! — крикнулъ Маугли. — Хатти взялъ меня съ собою, когда шелъ въ болото, чтобы тамъ я могъ слышать лозунгъ ядовитой змѣи, отъ огромнаго питона, потому что даже самъ Бало не могъ запомнить и выговорить охотничій возгласъ ихъ...

Бало смущенно молчалъ,—Маугли выдалъ его тайну; и все-таки онъ радовался на это чудно исполненное мальчикомъ шипѣніе—„Сссссш!..“ и еще разъ повторилъ Багеръ, что Маугли теперь настолько предохраненъ отъ всякихъ случайныхъ опасностей въ джунгляхъ, что ни одинъ звѣрь не смѣетъ тронуть его здѣсь.

— Нечего ему бояться, этому малышу, — совершенно нечего!..

— Кромѣ его же племени,—проворчала Багера про себя и сейчасъ же воскликнула вслухъ: — Ты мнѣ всѣ ребра переломашь, маленькій братъ, и что это значить, что ты кривляешься и прыгаешь?..

Маугли попросту хотѣлъ обратить на себя вниманіе друзей и теперь воскликнулъ:

— Эчъ! эчъ! эчъ!.. У меня будетъ свой собственный народъ, и я буду по цѣлымъ днямъ прыгать по вершинамъ деревьевъ. Эчъ!..

— Это что за новая глупость, выдумщикъ? — спросила Багера.

— Ну, да! И тогда я буду сверху швырять въ Бало орѣхами да сучьями!.. Эчъ! Онѣ мнѣ это обѣщали!.. Да, да!..

— Стой!.. — и огромная лапа Бало вдругъ сбросила Маугли со спины Багеры, и только лежа между лапъ его, Маугли понялъ, какъ былъ разсерженъ его учитель.

— Маугли, — загремѣлъ Бало, — ты говорилъ съ мартышками племени Бандаръ-Логъ?

Маугли глянулъ на Багеру, что, молъ, думаетъ она, — но и глаза Багеры были холодны, какъ ледь.

— Какъ? ты былъ у обезьянъ? У сѣрыхъ глупцовъ, у которыхъ нѣтъ и законовъ, у этихъ орѣхогрызуновъ, всеядныхъ?.. А!.. Что за стыдъ!..

— Когда Бало прибилъ меня въ послѣдній разъ, — какъ бы оправдывался Маугли, — я убѣжалъ отъ него, и сѣрыя обезьяны спустились съ деревьевъ утѣшать меня.

— Утѣшали? Жалѣли?.. Фу!.. — гнѣвно воскликнулъ Бало. — Этого не должно быть... Ну, а потомъ что случилось, потомъ, дѣтенышъ человѣка?

— Потомъ онѣ надавали мнѣ орѣховъ... Потомъ на рукахъ онѣ подняли меня на самую вершину дерева и сказали, что я родственъ имъ по крови, только безхвостый, и что я буду впоследствии ихъ вождемъ.

— У нихъ нѣтъ вождя! — воскликнула Багера... — Онѣ лгали. Онѣ всегда лгутъ!

— Но онѣ были очень ласковы со мною и просили опять придти къ нимъ. Почему вы не говорили мнѣ о нихъ? Онѣ ходятъ, какъ и я, на двухъ ногахъ, онѣ не бьютъ меня своими тяжелыми лапами. Онѣ играютъ цѣлый день. Пустите меня къ нимъ поиграть съ ними! .

— Слушай, дѣтенышъ человѣка, — заревѣлъ Бало, и голосъ его прокатился, какъ громъ въ непогожую ночь, — я училъ тебя всѣмъ законамъ джунглей, кромѣ законовъ народа мартышекъ. У нихъ закона нѣтъ, у нихъ нѣтъ даже сво-

его языка, онѣ повторяютъ чужія слова, что удастся подслушать имъ случайно. О, мы съ ними не знаемся! У нихъ нѣтъ вождя. Онѣ думаютъ только одну минуту о чемъ-нибудь. Онѣ хвастаютъ, болтаютъ и кричатъ во весь голосъ, что онѣ — великій народъ, и что всѣ джунгли только и говорятъ, что объ ихъ поступкахъ и дѣлахъ; но упавшій орѣхъ пугаетъ ихъ, и онѣ бросаются вразсыпную, забывъ, о чемъ толковали только-что передъ этимъ. Мы не знаемся съ ними,— мы не пьемъ изъ источника, гдѣ пьютъ обезьяны, мы избѣгаемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бываютъ онѣ, мы не охотимся тамъ, гдѣ охотятся онѣ... И слышалъ ли ты хоть разъ, чтобы я упоминалъ въ разговорѣ имя племени Бандаръ-Логъ?

— Нѣтъ,—тихо прошепталъ Мангли, невольно подчиняясь царившей въ эту минуту въ джунгляхъ тишинѣ.

— О нихъ не говорятъ и не думаютъ. Онѣ многочисленны, эти мартышки, злопамятны, безстыдны, грязны, и одно ихъ желаніе — заставить говорить э себѣ въ джунгляхъ. Но мы не обращаемъ на нихъ никакого вниманія даже тогда, когда онѣ бросаютъ въ насъ орѣхи и всякую всячину.

Только что кончилъ онъ, какъ цѣлый дождь орѣховъ посыпался на нихъ съ вершины дерева. И слышны были тамъ, наверху, гнѣвные влаиванія, покашливаніе, визги, возня...

— Племя обезьянъ удалено отъ общества джунглей!—крикнулъ Бало.

— Да, удалено, — подтвердила Багера, — но все-же, думается мнѣ, Бало долженъ былъ бы предупредить тебя отъ нихъ.

— Я? Къ чему? Могъ ли я думать, что онъ сойдется съ негодными мартышками?

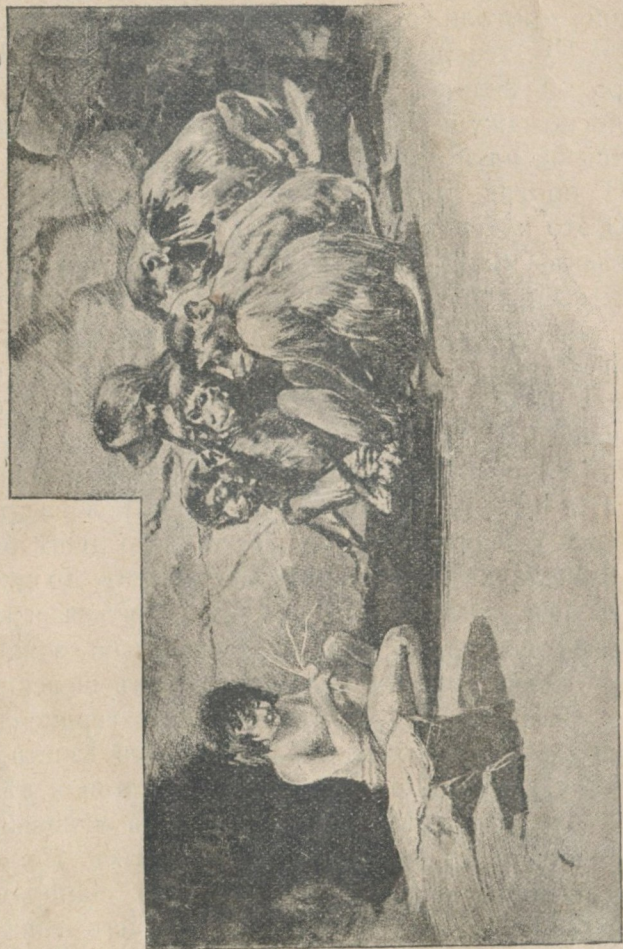
Новый дождь орѣховъ посыпался съ дерева; Бало и Багера стали по бокамъ Маугли, и всѣ двинулись оттуда.

Что говорилъ Бало объ обезьянахъ, то была правда. Онѣ жили высоко на деревьяхъ, — а звѣри джунглей рѣдко смотрятъ по верхамъ, — потому они и не встрѣчались съ ними никогда. Но когда мартышки находили гдѣ-нибудь раненаго, обезумѣвшаго волка или больного тигра, — онѣ не отставали отъ него и мучили ихъ всячески. Кромѣ того, онѣ швыряли чѣмъ попало съ деревьевъ въ животныхъ джунглей, ради потѣхи, при чемъ были и пѣли разныя пѣсни, высмѣивая рѣшительно всѣхъ. Когда въ дракѣ онѣ убивали своихъ же, то клали ихъ на видныхъ мѣстахъ, чтобы всѣ видѣли ихъ удалство. Онѣ давно собирались избрать себѣ тоже вождя, создать законы, но все кончалось ничѣмъ, благодаря ихъ легкомыслію. Больше одного дня о чемъ-нибудь онѣ не думали; онѣ однимъ только утѣшались: „что думаетъ Бандаръ-Логъ сегодня, о томъ завтра всѣ джунгли будутъ говорить!“ Никто не знался съ ними, никто вниманія на нихъ не обращалъ, вотъ оттого онѣ и рады были, что Маугли разыскалъ ихъ и пришелъ къ нимъ играть.

Никто изъ обезьянъ никогда не умѣлъ дѣлать что-либо; но одной изъ нихъ пришла блестящая мысль—украсть Маугли и овладѣть имъ всецѣло, потому что онъ-де умѣетъ особенно искусно сплетать вѣтви, которыя могутъ предохранять ихъ отъ вѣтра и непогоды, и этому искусству онъ ихъ научить. А у Маугли и точно былъ природный инстинктъ его отца, дровосѣка, благодаря чему онъ часто ради забавы устраивалъ изъ опавшихъ вѣтвей хижины, шалаши, самъ не зная для какой цѣли. А обезьяны — тѣ внимательно слѣдили за его работой и воображали, что тутъ творится что-то необычайное. И вотъ теперь онѣ рѣшили выбрать, наконецъ, себѣ вождя, чтобы стать самымъ умнымъ народомъ въ джунгляхъ, гдѣ всѣ будутъ на нихъ дивиться и подражать имъ.

И онѣ стали слѣдить за удалявшимися, скача за ними по деревьямъ осторожно и безшумно. Настало обѣденное время. Маугли, стыдясь своего поведения, легъ враспяжку между Бало и Багерой, давъ слово не имѣть ничего общаго съ обезьянами...

Онъ спалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что сильныя, маленькія и жесткія руки держатъ его за руки и за ноги; онъ думалъ, это — сонъ, но вѣтви царапали ему лицо, и листья съ шелестомъ били его по глазамъ. Въ испугѣ опустилъ онъ глаза внизъ и тутъ съ ужасомъ увидѣлъ между сучьями, далеко внизу, прыгавшую въ бѣшенствѣ Багеру и Бало, который ревѣлъ во

всю мочь. А обезьяны поднималиеь все выше и выше, прыгали, строили гримасы и кричали: — Ага! Ну, теперь онъ нашъ!.. Что, Багера? Теперь ты видишь, что значитъ племя Бандарь-Логъ въ джунгляхъ? Видишь ли, какъ всѣ дивятся на наше мужество и ловкость?”

И, прыгая, крича, онѣ бросились дальше.

О, это путешествіе обезьянъ по вершинамъ деревьевъ—нѣчто удивительное! У нихъ тамъ проложены правильныя дороги, перекрестки, вверхъ и внизъ; на высотѣ слишкомъ четырнадцати саженей онѣ свободно быстро переносятся съ мѣста на мѣсто даже ночью, какъ птицы. Двѣ сильнѣйшія обезьяны подхватили Маугли подъ руки и помчались прочь отсюда, дѣлая прыжки въ три сажени съ дерева на дерево. Голова кружилась у Маугли, но ему все-таки по душѣ была эта скачка по вершинамъ деревьевъ. До сихъ поръ онъ не зналъ, что значитъ бояться чего-нибудь; но теперь, бросая взгляды на землю, когда вѣтви вокругъ него съ шумомъ шелестѣли и били его, онъ чувствовалъ, что сердце его замираетъ отъ ужаса. Мартышки то взлетали на самую вершину дерева, гдѣ шли тонкія вѣтви, — то бросались внизъ и черезъ мгновеніе уже висѣли на болѣе низкихъ вѣтвяхъ. Порой передъ нимъ открывалась широкая панорама джунглей, потомъ все скрывалось изъ глазъ, и вѣтви хлестали по лицу, и обезьяны опускались чуть-что не на землю. Прыгая, скользя, лая

и воя, неслась вся стая Бандаръ-Логъ со своимъ плѣнникомъ Маугли.

Сначала онъ не боялся упасть; потомъ онъ сталъ сердиться, но понималъ, что сопротивляться ему никакъ нельзя; въ концѣ - концовъ онъ сталъ думать о своемъ положеніи. Прежде всего надо было извѣстить о себѣ Бало и Багеру, которые отстали отъ нихъ. Онъ вскинулъ глаза вверхъ и увидѣлъ высоко-высоко наверху, въ голубомъ небѣ коршуна Этеръ-Чиль; онъ оттуда высматривалъ себѣ добычу въ джунгляхъ. Чиль замѣтилъ, что обезьяны что-то несли, и опустился сажень на четырнадцать, чтобы разсмотрѣть, что это такое у нихъ было. Онъ продолжительно свистнулъ отъ удивленія, увидя внезапно на вершинѣ пальмы Маугли. И вдругъ послышался призывъ Маугли:

Гляди смѣлѣй, не трусь меня,
Зла не держи ты наготовѣ,—
Вѣдь я и ты, и ты, и я,—
Одной съ тобой мы оба крови.

Въ это мгновеніе вѣтви заслонили бѣглецовъ отъ коршуна. Чиль отвѣтилъ тотчасъ же; въ два взмаха крыльевъ онъ пролетѣлъ большое пространство и снова увидѣлъ на вершинѣ дерева маленькое, смуглое лицо ребенка.

— Слѣдуй за нами, — крикнулъ Маугли, — и скажи о томъ, гдѣ мы будемъ, медвѣдю Бало съ Сеонійскаго холма и пантерѣ Багерѣ!

— А отъ кого снести этотъ призывъ, братъ?

Чиль еще никогда не видалъ Маугли, только слышалъ о немъ много.

— Я—Маугли - лягушка. Всѣ называютъ меня дѣтенышемъ человѣка. Но не упускай изъ виду нашей дороги.

Теперь Чиль сталъ подниматься все выше и выше, покамѣстъ не превратился въ маленькую, черную точку. И оттуда, съ этой страшной высоты, онъ свободно наблюдалъ своими дальнорезкими глазами колебаніе вершинъ деревьевъ, въ чащѣ которыхъ неслись похитители Маугли.

— Ну, обезьяны никогда далеко не убѣгаютъ,—насмѣшливо сказалъ Чили.—Онѣ никогда не доводятъ дѣла до конца. Впрочемъ, теперь онѣ, видимо, больше встревожены,—и съ Бало, и съ Багерой вообще шутки плохія.

И онъ распростеръ крылья и, слегка трепеща ими, словно замеръ на воздухѣ, поджавъ подъ себя лапы.

Между тѣмъ Бало и Багера изъ себя выходили отъ досады и горя. Багера лазала по деревьямъ, какъ никогда, но тонкія вѣтви не позволяли ей подняться слишкомъ высоко, онѣ подламывались подъ ея тяжестью, и пантера падала на землю.

— Какъ же ты не предупредилъ Маугли? — рычала она на бѣднаго Бало.—Стоило бить его, если ты этимъ все-таки не могъ избавить его отъ опасности.

— Скорѣй! Скорѣй впередъ! Можетъ-быть, мы ихъ еще догонимъ.

— Да ты не догонишь и раненой коровы такимъ бѣгомъ! Нечего бѣжать да мучить себя; сядь-ка вотъ тутъ да придумывай, какъ дѣлу помочь. Времени терять нечего. А будемъ мы преслѣдовать ихъ по пятамъ, онѣ могутъ сбросить его внизъ

— Ахъ!.. Фу!.. Можетъ, они уже и сбросили его. Довѣряться обезьянамъ никакъ нельзя. Положи мнѣ на голову мертвыхъ летучихъ мышей, дай мнѣ ѣсть негодныхъ костей. Занеси меня къ дикимъ пчеламъ, чтобы онѣ зажалили меня до смерти, и похорони меня рядомъ съ гіеной, потому что я — негоднѣйшій изъ медвѣдей. О, Маугли!.. Маугли!.. Быть-можетъ, я выколотилъ изъ твоей головы всѣ знанія, и ты теперь не сумѣешь въ бѣдѣ прибѣгнуть къ охотничьимъ призывамъ?..

И Бало, прижавъ лапы къ ушамъ, въ горѣ, стеная, катался по землѣ.

— Полно! Онъ ихъ не забудетъ!—нетерпѣливо сказала Багера.—Нечего тосковать, кататься по землѣ. Что скажутъ въ джунгляхъ!..

— Что мнѣ за дѣло, что стануть говорить другіе?! О, Маугли, моя лягушка! Можетъ, онъ уже лежитъ мертвый!..

— Не думаю, чтобы ему было плохо, если только обезьяны не сбросятъ его ради потѣхи съ деревьевъ или, попросту, не убьютъ его. Но Маугли уменъ, ученъ, а главное,—у него такіе глаза, которыхъ обитатели джунглей боятся.

Жаль, что онъ попался обезьянамъ. Мы не можемъ слѣдовать за ними на деревья, и онѣ не боятся насъ!.. — И Багера стала задумчиво лизать переднюю лапу.

— Охъ, какая я глупая голова! Экій я толстый, неповоротливый дуракъ!—воскликнулъ вдругъ Бало, вскакивая какъ ужаленный. — Хатти правъ, говоря: „У каждаго есть свой собственный врагъ!..“ А эти обезьяны Бандаръ - Логъ страшно боятся Каа, питона *). Каа можетъ лазать по деревьямъ такъ же хорошо, и ночью онъ неслышно таскаетъ у нихъ молодыхъ обезьянокъ. При одномъ имени его онѣ дрожатъ и холодѣютъ отъ головы до кончика хвоста. Идемъ же скорѣе къ Каа!..

— Ну, немного помощи окажетъ онъ намъ. Онъ не нашего племени; ногъ у него нѣтъ, и къ тому же у него такіе злые глаза! — сказала Багера.

— Онъ очень старъ и хитеръ страшно! А главное,—онъ всегда голоденъ.—Пообѣщаю ему побольше козъ.

— Послѣ ѣды онъ спитъ цѣлый мѣсяцъ. Можетъ, какъ-разъ теперь онъ и спитъ. А если не спитъ, то будто онъ самъ будетъ стѣсняться задушить одну-другую козу.

Багера мало знала Каа, оттого такъ недовѣрчиво и относилась къ нему.

— Ну, мы упросимъ его!

---

*) Питонъ—огромная змѣя, страшно сильная.

И они отправились въ путь-дорогу искать питона Каа и скоро нашли его растянувшимся на раскаленной отъ солнца скалѣ. Дней десять тому назадъ только Каа перемѣнилъ кожу и теперь лежалъ передъ ними во всемъ великолѣпнѣ своей новой кожи, съ восторгомъ приподнимая голову надъ землею, шевелясь и свивая свое четырехсаженное тѣло въ чудовищные круги и фантастическіе узоры, и облизывалъ губы съ острыми, какъ иголки, зубами въ ожиданіи сытнаго обѣда.

— Онъ еще ничего не ѣлъ!—съ радостью сказалъ Бало. — Будь осторожнѣе, Багера, онъ плохо видитъ, когда смѣнить кожу, и можетъ наброситься на тебя.

Каа не былъ ядовитой змѣей; нѣтъ, вся сила и ужасъ его заключались въ его страшномъ туловищѣ, которымъ онъ опоясывалъ свои жертвы. И попади кто-нибудь въ эти губительныя его объятія, — нечего было и думать бы освободиться отъ нихъ.

— Доброй охоты!—крикнулъ Бало, садясь въ почтительномъ разстояніи отъ питона на заднія лапы.

Каа плохо слышалъ,—не слышалъ онъ и этого привѣтствія.

Потомъ онъ вдругъ съ быстротой молніи закрутился въ какой-то чудовищный узелъ и склонилъ голову, готовясь напасть на потревожившихъ его покой.

— Сссс... кто это?—зашипѣлъ онъ. — А, это ты, БРАТЪ ВОЛКОВЪ.

Бало! Что тебя сюда привело? Доброй охоты, Багера! Доброй охоты и намъ всѣмъ. Одно я только знаю... ссс... по меньшей мѣрѣ, одинъ изъ насъ голоденъ. Нѣтъ ли дичи по близости? Нѣтъ ли лани или молоденькаго оленя? Говорите же скорѣе. Я пусть, какъ высохшій ручей! .

— Мы и то идемъ на охоту! — сказалъ Бало безразличнымъ тономъ. — Онъ зналъ, что не надо черезчуръ раздражать аппетитъ Каа, — Каа слишкомъ силенъ.

— Такъ, такъ! Позвольте мнѣ идти съ вами! — сказалъ Каа. — Однимъ ударомъ больше, однимъ меньше, — это ничего не значитъ для васъ, Багера, Бало, а я... я между тѣмъ по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ иной разъ долженъ выжидать добычу, я долженъ около полночи лазать повсюду, чтобы, при удачѣ, поймать какую-нибудь маленькую обезьяну. Да и сучья у деревьевъ не такой крѣпости, какъ въ дни моей юности бывали. Сгнившій стволъ, сухія вѣтки, — вотъ вѣдь всѣ они какія.

— А можетъ-быть, тяжесть твоего тѣла тому виною тоже? — спросилъ Бало.

— Нечего скрывать, точно, — у меня длина тѣла — порядочная! Длина хорошая, — съ гордостью отвѣтилъ Каа. — А все же деревья стали хуже. Во время моей послѣдней охоты я чуть-было не упалъ, и когда я соскользнулъ на землю (мой хвостъ не слишкомъ плотно обвился вокругъ ствола), шумъ моего паденія разбудилъ Бан-

даръ-Логовъ!.. Да! И обезьяны стали поносить меня всякими обидными прозвищами.

— Безногій, желтый дождевой червякъ!—какъ бы про себя сказала Багера.

— Сссс!.. Развѣ онѣ меня и такъ называли?— зашипѣлъ Каа.

— Безногій, желтый дождевой червякъ или что-то въ этомъ родѣ. Онѣ и всегда говорятъ что-нибудь такое же непріятное. Онѣ даже увѣряютъ, что ты потерялъ всѣ свои зубы и что ты, охотясь, нападаешь только на молодыхъ ланей, такъ какъ,—о, эти безсовѣстные твари! — говорятъ, что ты боишься роговъ старой лани...

Змѣя, а особенно выдержанный, старый питонъ, никогда почти не проявляетъ открыто своего гнѣва; но на этотъ разъ страшные мускулы около пасти Каа заходили взадъ и впередъ.

— Такъ! Такъ!.. Обезьяны куда-то скрылись отсюда, — сказалъ Каа спокойнымъ голосомъ, который тѣмъ не менѣе все-таки слегка дрожалъ отъ скрытой злобы.—Когда я давеча лежалъ на солнцѣ, я слышалъ, какъ онѣ прыгали и возились на вершинахъ деревьевъ.

— Ну, вотъ, а мы именно и преслѣдуемъ этихъ обезьянъ, племени Бандаръ-Логъ! — сказалъ Бало.

— Ну, вѣроятно, что-нибудь очень важное заставило двухъ такихъ могущественныхъ охотни-

ковъ преслѣдовать обезьянъ...— отвѣтилъ спокойно Каа, хотя самъ умиралъ отъ любопытства.

— Что касается меня, то я—всего только старѣй, подчасъ глупѣй учитель молодыхъ сіонійскихъ волковъ, а Багера...

— Багера—Багера и есть, — холодно и рѣзко оборвала его черная пантера, щелкнувъ челюстями, потому что она не думала притворяться тихоней.

— Слушай, Каа, вотъ въ чемъ дѣло. Эти негодныя обезьяны украли нашего дѣтеныша человѣка, о которомъ ты ужъ, навѣрно, слышалъ.

— Слышалъ, что вы тамъ приняли человѣка въ племя волковъ. Говорили мнѣ, да я не вѣрилъ.

— Однако, это такъ. Такого славнаго дѣтеныша человѣка я еще и не видывалъ,— сказалъ Бало.—Это наилучшій и умнѣйшій и отважнѣйшій изъ всѣхъ людей, мой воспитанникъ, который долженъ былъ прославить во всѣхъ джунгляхъ мое имя... и оттого мы... да, всѣ мы любимъ его, Каа!..

— Тс, тс!..—свистнулъ Каа, качая головой.

— Ну,—сказала Багера,—подумай только, дѣтенышъ человѣка находится въ рукахъ у обезьянъ, а изъ всѣхъ обитателей джунглей эти твари боятся только одного Каа!..

— Хвастуны, глупыши, болтуны — вотъ кто онѣ такія эти обезьяны... Но разъ ребенокъ человѣческій находится у нихъ въ рукахъ, — это штука плохая. Имъ надоѣдаютъ даже орѣхи,

которые они срываютъ. Иной разъ онѣ носятъ съ какой-нибудь вѣтвью около полдня, все собираются употребить ее въ дѣло, и вдругъ ломаютъ ее ни съ того, ни съ сего на мелкія части. Дѣйствительно, этому человѣческому созданію позавидовать нельзя. И онѣ... онѣ называли меня... Какъ это?.. Желтоносимъ?.. Да?

— Червякомъ, дождевымъ червякомъ... да и кромѣ того—всяческими другими обидными прозвищами, которыя и повторить-то совѣстно.

— Ну, мы имъ зарубимъ на носу, чтобы онѣ въ будущемъ говорили только одно хорошее о своемъ господинѣ и начальникѣ!.. Ааа-сссп!.. Надо имъ о себѣ напомнить. Куда, говоришь ты, онѣ потащили дѣтеныша?

— Только джунгли вѣдаютъ это. Думаю, что по направленію солнечнаго заката... — сказалъ Бало.—А мы, Каа, думали, что ты намъ о томъ скажешь.

— Я? Какъ это? Я пожираю ихъ, когда онѣ прямо попадаютъ мнѣ на дорогѣ, но я не бѣгаю за ними, за этими Бандаръ-Логамъ, за этими лягушками болѣе чѣмъ смраднаго болота. Хсссс!..

— Взгляните вверхъ!.. Вверхъ! Вверхъ!.. Вверхъ!.. Илло, Илло, Илло!.. Взгляните вверхъ, вверхъ, Багера и Бало съ сіонійскаго холма!.. Вверхъ, вверхъ!..

Всѣ оглянулись, подняли головы и увидѣли, что тамъ, высоко въ небѣ, парилъ коршунъ Чиль и постепенно спускался внизъ вмѣстѣ съ

солнечными лучами, наполовину сжавъ свои могучія крылья. Чилу была пора уже ложиться спать, но онъ все время искалъ по джунглямъ медвѣдя, покамѣстъ не нашелъ его въ самой глухой чашѣ.

— Что новаго?—спросилъ Бало.

— Я видѣлъ Маугли у Бандаръ-Логовъ. Онъ выслалъ меня посломъ къ вамъ. Обезьяны потащили его въ свой городъ Кольдъ-Лаиръ, что по ту сторону рѣки. Быть-можетъ, онъ пробудетъ тамъ одну ночь, быть-можетъ,—десять ночей, а то и одинъ часъ. Я поручилъ летучимъ мышамъ караулить ихъ во время темноты. Вотъ и все. Доброй охоты всѣмъ вамъ!..

— Да будешь ты сытъ и да спишь спокойно, Чиль!—воскликнула Багера.—Я о тебѣ вспомню на охотѣ и оставлю голову дичины тебѣ одному, о, лучший, дорогой, могущественнѣйшій изъ коршуновъ!

— Я не ради того, но дѣтенышъ человѣка зналъ лозунгъ нашего племени, и я былъ обязанъ исполнить его порученіе, что я и сдѣлалъ.

И Чиль сталъ удаляться отъ нихъ въ поискахъ удобнаго мѣста для сна.

— Это честь мнѣ!—гордо усмѣхнулся Бало.—Онъ не потерялъ голову, не забылъ ничего. Молодчина! Помнить языкъ птицъ въ минуту такой опасности,—это чего-нибудь да стоить.

— Я тоже горжусь имъ!..—сказала Багера.—

Однако, намъ надо возможно скорѣе бѣжать въ обезьяній городъ!..

Они всѣ хорошо знали это мѣсто, но мало кто изъ обитателей джунглей бывалъ тамъ, потому что этотъ городъ лежалъ въ самой глубинѣ джунглей, былъ нѣкогда построенъ людьми, брошенъ и теперь превратился уже въ жалкія развалины.

Мѣсто, которое избралъ себѣ и застроилъ человѣкъ, избѣгается всѣми звѣрями, только кабаны любятъ рыться въ мусорѣ развалинъ.

Тамъ-то и жили обезьяны, и ни одно животное не желало даже близко подходить къ этому проклятому мѣсту; и только во время засухи они сбѣгались сюда пить воду, сохраняющуюся въ неразрушенныхъ бассейнахъ и каналахъ.

— А все-таки около половины ночи мы пройдемъ до этого мѣста, какъ бы мы ни торопились,—сказала Багера.

Бало сдѣлалъ серьезную морду и сказалъ:

— Ужъ я постараюсь бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Но мы тебя ждать все-таки не будемъ. Ты подойдешь позже, Бало. А мы должны бѣжать со всѣхъ ногъ,—я и Каа...

— Со всѣхъ ногъ или вовсе безъ ногъ!—сказалъ рѣзко Каа. — Хоть и нѣтъ у меня ногъ, а вперегонку съ вами я всегда возьму верхъ!..

И они отправились въ путь-дорогу.

Бало отставалъ сильно; а пройдя немного, и тяжело дыша и задыхаясь, долженъ былъ оста-

новиться, лечь и отдыхать. Қаа не произносилъ больше ни слова; Багера могла бѣжать во всю прыть; страшное туловище ея молчаливаго спутника скользило, словно безшумная волна, на шагъ впереди задыхающейся отъ бѣга пантеры.

Когда они подошли къ горному потоку, Багера опередила; въ нѣсколько мощныхъ ударовъ лапами она въ одно мгновеніе переплыла съ одного берега на другой и съ удовольствіемъ замѣтила, что Қаа медленно плывъ въ бурливой, шумящей водѣ; но вскорѣ его широкая голова съ острымъ языкомъ показалась у края другого берега.

— Ну, вотъ мы и у обезьянъ, которыхъ я думаю съѣсть!—сказала Багера, между тѣмъ какъ уже пали сумерки.—А ты ловкій ходокъ!..

— Я голоденъ,—отвѣтилъ Қаа,—и кромѣ того онѣ называли меня пятнистой лягушкой.

— То-есть дождевымъ червякомъ, — желтымъ ползучимъ дождевымъ червякомъ.

— Это почти одно и то же! Впередъ! Ты не можешь скорѣе идти? — и Қаа заскользилъ впередъ, какъ молнія, избирая безошибочнымъ, привычнымъ глазомъ кратчайшій путь...

... А въ Кольдъ-Лаирѣ обезьяніи народъ и не помышлялъ о друзьяхъ Маугли.

Онѣ притащили мальчика въ руины и были безконечно довольны самими собою.

До тѣхъ поръ Маугли еще никогда не видѣлъ индійскаго города, и хотя онъ былъ окруженъ

однѣми жалкими развалинами, онъ все-таки показался ему роскошнымъ и диковиннымъ.

Вѣроятно, давнымъ-давно здѣсь, на холмѣ сталъ строить этотъ городъ какой-нибудь король. Можно было еще различить слѣды проложенныхъ улицъ, которыя всѣ вели къ полуразрушеннымъ воротамъ, отъ которыхъ только и осталось что два столба, всѣ источенные червями, на которыхъ висѣли ржавые крюки. Деревца и кусты пустили корни свои въ широкія трещины стѣнъ: ограда обрушилась, и цвѣтушія ползучія растенія взобрались по ней вверхъ и съ любопытствомъ заглядывали въ окна полуразвалившихся сторожевыхъ башенъ.

Словно изломанная корона, возвышался на вершинѣ холма увеселительный дворецъ съ снесенной крышей; мраморныя плиты заросли мохомъ, нѣкогда чудныя изваянія фонтановъ валялись расколотыя на мелкія части, и даже камни вымощеннаго двора, на которомъ въ былое время стояли королевскіе слоны, были затянута чуднымъ, зеленымъ ковромъ травы, и корни цвѣтущихъ деревьевъ мѣстами разворачивали ихъ, и они лежали уродливыми ворохами. А наверху, изъ-за стѣнъ, неровными краями вырисовывавшихся на голубомъ небѣ, видны были длинные ряды домиковъ; раньше они составляли самый городъ, а теперь лежали въ развалинахъ, молчали и казались съ виду пустыми, вывѣтрившимися пчелиными сотами.

Огромная, безголовая статуя какого-то божества была брошена посрединѣ городской площади, на которой перекрещивались четыре городскихъ улицы; развалины индусскаго храма были полны пальмъ, а на углахъ улицъ, гдѣ у источниковъ и цистернъ въ былое время собирались учителя для разговоровъ, распростерлись водяныя озерки, на поверхности которыхъ плавали водяные цвѣты и тина.

Обезьяны называли это мѣсто своимъ собственнымъ городомъ и рассчитывали тѣмъ поразить обитателей джунглей, которые жили подъ открытымъ небомъ. И тѣмъ не менѣе онѣ понять не могли, для какой надобности были возведены эти постройки и какимъ образомъ нужно было пользоваться ими.

Онѣ то разсаживались въ королевскомъ дворцѣ, въ залѣ суда по полу, строили гримасы, искали блохъ и дѣлали такой видъ, будто онѣ — настоящіе люди; то мчались онѣ черезъ безкрышіе дома, собирали камни и разныя драгоценности и зарывали ихъ по угламъ и тотчасъ забывали, гдѣ онѣ зарыли ихъ. Порой собирались онѣ огромной толпой и начинали кусаться, царапаться между собою, потомъ катали какіе-то живые шарики и вдругъ съ крикомъ, съ ревомъ бросались на землю, а оттуда вспрыгивали высоко и внезапно кончали игру и разсыпались съ быстротой молніи на всѣ четыре стороны. А то бѣгали по террасамъ, трясли померанцо-

вые деревья и розовые кусты и взывали отъ восторга, когда спѣлые плоды и розы градомъ осыпались на землю.

Онѣ съ любопытствомъ совали свой носъ во всѣ галлерей, и въ тайные ходы и переходы дворца: онѣ искали что-то по сотнямъ темныхъ камеръ, забывая то, что они уже разъ видѣли и осматривали и чего еще не видѣли. По-двое, по трое, а то цѣлыми стаями шарили онѣ всюду и потомъ, собираясь огромными стаями, хвастали одна передъ другой, что онѣ все, — ну, рѣшительно все, — дѣлаютъ такъ, какъ и люди. Онѣ пили воду изъ бассейновъ, а когда мутили и грязнили воду своими прыжками въ бассейнѣ, то затѣвали драку между собою, послѣ чего пускались въ плясъ, крича на весь лѣсъ: — „Нѣтъ во всѣхъ джунгляхъ народа болѣе мудраго, болѣе умнаго и сильнаго и благороднаго, чѣмъ обезьяны племени Бандаръ-Логъ!“

А потомъ и начинали свою игру сызнова, покаместъ городъ не надоѣдалъ имъ, и онѣ не возвращались на вершины деревьевъ, въ надеждѣ, что обитатели джунглей наконецъ-то обратятъ на нихъ вниманіе.

Маугли, который выросъ подъ руководствомъ законовъ джунглей, — жизнь такого рода была сильно не по душѣ. Было уже довольно поздно, послѣ полудня, когда обезьяны притащили его въ свой городъ. Въмѣсто того, чтобы отправиться на покой, какъ онъ это дѣлалъ обыкновенно въ

джунгляхъ,—обезьяны окружили его цѣлымъ хороводомъ и стали танцовать, распѣвая свои безсмысленныя пѣсни. Одна изъ обезьянъ начала длиннѣйшую рѣчь и объяснила, что похищеніе Маугли сдѣлаетъ важный переворотъ въ исторіи племени Бандаръ-Логъ, потому что Маугли научить ихъ, какъ надо сплестать вѣтви въ шалаши для защиты отъ вѣтровъ и непогоды. Маугли понравилась роль учителя, онъ быстро схватилъ стебли ползучихъ растеній и принялся сплестать ихъ. Нѣсколько секундъ обезьяны слѣдили за нимъ, повизжали, состроили гримасы и стали подражать плетенію Маугли; но чрезъ нѣсколько минутъ это уже наскучило имъ; онѣ стали дергать другъ-друга за хвосты и стали прыгать, бросаясь и болтая безъ всякаго толку.

— Мнѣ вѣсть хочется,—сказалъ Маугли.—Здѣсь я чужой, въ этой части джунглей. Дайте мнѣ поѣсть или позвольте поохотиться.

Двадцать-тридцать обезьянъ тотчасъ бросились добывать ему орѣхи и дикія дыни; но дорогой онѣ затѣяли драку, стали кусаться, а когда помирились, то уже забыли, зачѣмъ собственно онѣ отправились въ путь. Все тѣло у Маугли ныло и болѣло, потому что его тащили сюда не особенно-то нѣжно. А когда еще и голодъ началъ давать чувствовать себя,—Маугли вдругъ разсердился и сталъ бродить по пустынному городу, время-отъ-времени выкрикивая охотничьи призывы разныхъ племенъ. Но никто не откликался

ему, и Маугли понялъ, что онъ попалъ въ совершенно заброшенное мѣсто.

„Все, что Бало говорилъ объ обезьянахъ,—правда,—подумалъ онъ,—у нихъ нѣтъ законовъ, нѣтъ охотничьяго клика, нѣтъ вождя,—ничего, кромѣ глупыхъ словъ, безсовѣстныхъ рукъ, которыми онѣ только и умѣютъ что драться да искать блохъ. Если я здѣсь погибну отъ голода,—это моя собственная вина. Однако, надо попробовать вернуться къ своему племени... Попадетъ мнѣ отъ Бало, а все-таки это будетъ лучше, чѣмъ гоняться безъ конца съ этими глупыми обезьянами“...

Онъ дошелъ, было, до городской стѣны, но обезьяны потащили его назадъ. Онѣ стали говорить ему, что онъ самъ не понимаетъ, какъ онъ будетъ счастливъ въ ихъ обществѣ, и онѣ щипали его, чтобы выучить его благодарности.

Стиснувъ зубы, Маугли, ни слова не говоря, отправился съ обезьянами на одну изъ террасъ, которая поднималась надъ большимъ резервуаромъ изъ краснаго песчаника, наполненнымъ сточной водой. Здѣсь поднимались остатки лѣтнаго дворца, выстроеннаго изъ бѣлаго мрамора, изъ оконъ котораго многія сотни лѣтъ назадъ любовались цвѣтущимъ садомъ. Крыша въ видѣ купола давно уже обрушилась и загородила проходъ, который велъ во дворецъ. Стѣны были высѣчены въ высшей степени искусно и на-диво красиво выложены роскошными арабе-

сками изъ агата и голубыхъ, зеленыхъ и красныхъ камней. А когда изъ-за холма вышла полная луна и глянула черезъ открытыя сводчатыя окна, — словно черный бархатъ, легла тѣнь отъ стѣнъ, и казалась она чернью на серебристаго цвѣта полу. Несмотря на то, что все тѣло Маугли болѣло, что онъ былъ голоденъ и усталъ, — онъ не могъ удержаться, чтобы не улыбнуться, когда двадцать обезьянъ въ одинъ голосъ начали говорить ему рѣчь, какой мудрый, великій и сердечный народъ были онѣ, и какой глупый онъ, если хочетъ бѣжать отъ нихъ.

— Мы могущественны, мы свободны, мы достойны рѣдкаго вниманія!.. Мы — самое замѣчательное племя во всѣхъ джунгляхъ. Мы всѣ говоримъ это, и потому это — правда!.. А такъ какъ ты новичокъ еще и можешь быть нашимъ посломъ въ джунгляхъ, чтобы они въ будущемъ держали съ нами ухо остро, — то мы и хотимъ дать тебѣ ясное и точное понятіе о нашемъ великомъ народѣ.

Маугли, конечно, не оспаривалъ ихъ, а обезьяны собирались сотнями и сотнями на террасѣ, чтобы послушать, какъ расхваливалъ ихъ самихъ свой собственный ораторъ, а когда этотъ послѣдній умолкалъ, чтобы духъ перевести, всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Это правда!.. Мы можемъ это подтвердить!..

Маугли дремалъ, и когда его спрашивали о чемъ-нибудь, съ трудомъ открывалъ глаза и го-

вориль: — „О, да!“ Но голова его просто лоннуть хотѣла отъ невообразимаго гама.

„Онѣ всѣ съ ума сошли!—рѣшилъ, наконецъ, онъ. — Да неужели онѣ никогда не спятъ? Ага! Вонъ крадется облако; если оно закроетъ луну и станетъ темно, — я попытаюсь убѣжать прочь. О, я такъ усталъ, такъ усталъ“!...

...За этимъ самымъ облакомъ наблюдали также двое друзей Маугли. То были Багера и Каа, которые притаились въ полузасыпанномъ рву, подъ городской стѣной, потому что они знали, какъ опасны обезьяны въ большомъ количествѣ, и не хотѣли ставить на карту обдуманнѣй ими планъ похищенія Маугли.

— Я лучше подползу къ западной стѣнѣ, — прошепталъ Каа. — Оттуда идетъ скатъ внизъ, и я тѣмъ скорѣе могу соскользнуть къ нимъ. Имъ, конечно, не удастся наброситься мнѣ на спину. Ну, а ты... ты?..

— Я знаю, что дѣлать, — промолвила Багера, — только бы Бало подоспѣлъ сюда къ намъ. Но все равно, мы должны сдѣлать все, что только можемъ. Какъ только облако найдетъ на луну, я вспрыгну на террасу. Онѣ держатся вѣдь относительно нашего дѣтеныша.

— Доброй охоты, — сказалъ свирѣпо Каа и поползъ къ западной стѣнѣ.

Случайно эта часть стѣны сравнительно хорошо сохранилась, и поэтому все-таки Каа понадобилось много времени, чтобы вскарабкаться на

камни. Облако набѣжало на луну. Въ ту минуту, какъ Маугли самъ себѣ задавалъ вопросъ, что могли придумать еще глупыя обезьяны, его острый слухъ услышалъ легкіе шаги Багеры на террасѣ.

Юркая пантера почти безшумно взобралась на холмъ и вдругъ бурей ворвалась въ самую густую толпу обезьянъ и стала наносить своими могучими лапами ударъ за ударомъ направо и налево, стала прокладывать дорогу и головой и туловищемъ, не пуская въ ходъ еще своихъ зубовъ.

Благородные ораторы мгновенно смолкли; крикъ ужаса и злобы пронесся по рядамъ обезьянъ, которыя расположились было плотнымъ кольцомъ вокругъ Маугли.

И внезапно раздался голосъ:

— Она одна!.. Убейте ее!.. Рвите ее на части!..

Словно разорванная бурей и словно за клубившаяся черная туча, огромная толпа обезьянъ набросилась на вертѣвшуюся среди нихъ Багеру, кусая ее, царапая, колотя ее...

Пять-шесть обезьянъ схватили Маугли, потащили его къ лѣтнему дворцу и сбросили его черезъ проломленную крышу внутрь дворца. Обыкновенный ребенокъ тяжело расшибся бы при такомъ паденіи, потому что высота стѣнъ достигала выше двухъ саженъ; но Маугли искус-

но спрыгнулъ и удержался на ногахъ, какъ училъ его добрый Бало.

— Подожди тамъ, пока мы разорвемъ на части твоихъ добрыхъ друзей! — воскликнули обезьяны. — А потомъ мы вытащимъ тебя и поиграемъ съ тобой... Но только тогда, если ядовитое племя змѣй оставитъ тебя въ живыхъ.

— И вы, и я; и я, и вы—

Одной мы съ вами крови!.. Ссс!.. —

рѣзко воскликнулъ Маугли, тотчасъ же вспомнивъ лозунгъ ядовитыхъ змѣй. Нельзя было терять и одного мгновенія. Вокругъ себя въ развалинахъ ясно слышалъ онъ громкое шипѣніе и шуршаніедвигающихся по камнямъ змѣй.

— Такъ оно и есть!—зашипѣли съ полдюжины голосовъ. — Стой тихо, маленькій братъ, иначе ты растопчешь насъ!

Маугли стоялъ совершенно тихо на своемъ мѣстѣ и смотрѣлъ въ пробитыя дыры въ стѣнахъ и прислушивался къ бѣшеному гаму битвы. А отъ этого отчаяннаго крика, отъ этого завыванія, рева и скрежетанія зубовъ онъ весь холодѣлъ какъ-то...

Въ первый разъ Багера билась, отстаивая свою жизнь.

„А Бало, вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости: Багера одна бы не пришла,—подумалъ Маугли и крикнулъ во весь голосъ:

— Къ водѣ, Багера!.. Бросайся въ воду и нырни!.. Къ водѣ!..

Багера услышала его, и сознание, что Маугли ушелъ и въ безопасности, придало ей силы. Съ неистовою отважностью шагъ за шагомъ стала она пробивать себѣ дорогу черезъ толпу обезьянъ. И вдругъ раздалось вблизи глухое, мощное рычаніе разъяреннаго Бало... Старый медвѣдь поспѣлъ-таки во-время.

— Багера! — крикнулъ онъ, задыхаясь, — я здѣсь! Выдержи только еще немного!.. Я лѣзу черезъ стѣну!.. Сейчасъ я буду около тебя! Камни сыплются изъ-подъ меня!.. Погодите, только бы мнѣ перебраться черезъ стѣны!.. Я вамъ задамъ, вы, негодное племя Бандаръ-Логъ!..

Онъ спрыгнулъ со стѣны и галлопомъ бросился по террасѣ къ Багерѣ, но въ то же мгновеніе попалъ въ самую тучу неистово завывавшихъ обезьянъ... Онъ сѣлъ на заднія лапы и сжалъ обѣими лапами, сколько могъ, обезьянъ и стиснулъ ихъ своими могучими объятіями и далеко отбросилъ задушенныхъ обезьянъ. А потомъ и пошелъ работать обѣими лапами—разъ-разъ, словно пароходъ своими колесами по бушующимъ волнамъ. Ага!.. Громкій всплескъ воды далъ ему знать, что Багера пробила къ водѣ черезъ толпу обезьянъ, которыя не могли преслѣдовать ее въ бассейнѣ.

Пантера лежала, тяжело и глубоко дыша, только слегка выставивъ изъ воды свою голову; обезьяны въ безсильной злобѣ бѣгали по краю бассейна изъ стороны въ сторону и грозили ей.

Растерянное рычаніе Бало доносилось до нея. Но что она могла сдѣлать?.. Въ изнеможеніи она лежала въ бассейнѣ, безсильная помочь своему товарищу. И въ эту минуту полного отчаянія заревѣла она призывный кличъ змѣи, потому что она боялась, что Каа покинетъ ихъ въ рѣшительную минуту,—и рѣзкій ревъ ея словно прорѣзалъ собою ночной мракъ:

„И ты, и я; и я, и ты,“—

„Одной съ тобой мы оба крови. .“

Крикъ о помощи отъ пантеры!.. Это чего-нибудь да значило!..

А Бало все бился и отбивался, задыхаясь отъ неоглядной силы обезьянъ.

Въ эту минуту Каа только-что удалось возвратиться на западную стѣну; это было мудреное дѣло, такъ какъ подъ его тяжестью камни осыпались градомъ, скатывались цѣлымъ каскадомъ внизъ... но времени терять было нельзя. Наконецъ, онъ скатился внизъ, обернулся, поднялся вверхъ, метнулся въ сторону, сдѣлалъ изумительный скачекъ, чтобы убѣдиться, что каждый мускулъ его гигантскаго тѣла подвиженъ и послушенъ его волѣ попрежнему.

А битва все продолжалась, и обезьяны визжали отчаянно. Летучая мышь Мангъ безшумно носилась съ одного мѣста на другое, чтобы разнести вѣсть объ этомъ побоищѣ по всѣмъ джунглямъ, такъ что даже дикій, молчаливый слонъ Хатти узналъ объ этомъ и затрубилъ такъ властно и

гнѣвно, что издали голосъ его заставилъ обезьянъ очнуться въ пылу сильнаго сраженія. То была безсонная ночь для всѣхъ джунглей. Даже дневныя птицы, пріютившіяся по одиночкѣ на вѣтвяхъ, и тѣ проснулись, высунули головы изъ-подъ крыльевъ и тревожно вслушивались въ ночную суматоху.

Тогда поспѣшно выступилъ впередъ Каа, проголодавшійся и охваченный весь жаждой мщенія. Вся сила, все оружіе страшнаго питона заключается въ ударахъ его головы, которая можетъ ударять съ невѣроятной силой и мощью, развивающейся во всемъ его многосаженномъ тѣлѣ. Вообрази себѣ только страшный таранъ, которымъ въ древности люди разбивали каменные стѣны осажденныхъ городовъ, или тысяchefунтовый кузнечный молотъ, одушевленный жаждой мести, и притомъ — полное самообладаніе, холодный, рассчитанный духъ, который мудро управляетъ страшной силой, — и ты можешь себѣ представить питона Каа во время битвы. Онъ былъ длиною въ четыре сажени, какъ ты знаешь, — а даже небольшой питонъ, въ сажень съ небольшимъ, легко можетъ сбить съ ногъ взрослого человѣка.

Первый ударъ свой Каа направилъ въ самую середину круга обезьянъ, окольцовывавшихъ Бало, — и ударъ былъ произведенъ съ закрытой пастью въ полномъ молчаніи... Второй ударъ былъ страшнѣе перваго. Ошеломленные, сбитыя съ толку, схватились обезьяны и съ крикомъ: —

„Каа!.. Это самъ Каа! . Прочь!.. Прочь!“ — бросились вразсыпную, какъ лягушки отъ журавля.

У насъ пугаютъ дѣтей „букой“, обезьяны же буквально теряются, когда старшія разсказываютъ имъ о Каа, ночномъ ворѣ, который безшумно скользитъ по вѣтвямъ, словно мохъ, который растетъ на нихъ, — о томъ Каа-страшилищѣ, который можетъ убить самыхъ сильныхъ обезьянъ, только прикоснувшись къ нимъ своимъ носомъ, о Каа-хитрецѣ, который умѣлъ принимать видъ стараго, коряваго сука или ствола до того искусно, что сами обезьяны — знатоки деревьевъ — не могли отличить его и прыгали на него, какъ на сукъ, который мгновенно душилъ и проглатывалъ ихъ. И все это было хорошо извѣстно Каа, т. е. что обезьяны такъ его боятся, и не было границъ его могуществу и силѣ, потому что никто рѣшительно не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза, и ни одно живое существо, замороженное его желѣзнымъ взоромъ, не избѣгало смерти въ его пасти.

И бросились обезьяны, какъ только несли ихъ дрожащія ноги, — бросились съ ужасомъ на крыши домовъ.

Бало глубоко вздохнулъ; его шкура была куда толще шкуры Багеры, а и ему досталось тяжело въ этой безумной битвѣ.

И открылъ Каа теперь впервые свою страшную пасть и испустилъ одинъ-единственный продол-

жительный, свистящій звукъ, — это одно свое слово, — и обезьяны, даже которыя съ деревьевъ наблюдали за битвой въ городѣ, словно замерли на мѣстѣ, съежились, сжались какъ-то, — такъ что сучья деревьевъ погнулись подъ ними, и кое-гдѣ раздавался трескъ ихъ. Крики ужаса замерли на губахъ у обезьянъ отъ ужаса, и кругомъ воцарилась мгновенно глубокая тишина, такъ что Маугли могъ ясно слышать, какъ отряхнется отъ воды Багера, только что вышедшая изъ бассейна.

Мгновеніе, — и обезьяны снова овладѣли собою и закарабкались по стѣнамъ на высочайшія башни; словно ожидая защиты отъ нихъ, онѣ обнимали и прижимались къ каменнымъ сооруженіямъ, забивались безпомощно за каждый камень развалинъ.

А Маугли совершенно забылъ обо всѣхъ змѣяхъ и дико танцевалъ въ своей тюрьмѣ, безпрестанно выглядывалъ въ пробитыя въ стѣнахъ отверстія и корчилъ гримасы, желая этимъ еще больше поддразнить обезьянъ.

— Достань дѣтеныша человѣка изъ западни! Я едва могу двинуться съ мѣста отъ усталости! — воскликнула Багера. — И мы уйдемъ отсюда. Не то обезьяны снова нападутъ на насъ.

— Пстѣ! — свистнулъ Каа. — Онѣ теперь не помѣютъ и съ мѣста двинуться, пока я имъ не позволю. Оставайтесь всѣ на своихъ мѣстахъ! Пстѣ!..

И снова водворилось кругомъ глубокое, зло-
вѣщее молчаніе.

— Я не могъ придти раньше! Но мнѣ казалось,
какъ-будто я слышалъ твой крикъ о помощи!—
сказалъ онъ Багерѣ.

— Э?... Мой?... Какъ?... Да... я... Это былъ мой
воинственный крикъ, должно-быть!.. А ты, Бало,
живъ?..

— Мнѣ кажется, что они меня разорвали на
кочки!—пробурчалъ Бало, облизывая свои ла-
пы, одну за другой.—Брр... Все тѣло у меня бо-
литъ... Каа, я думаю, мы обязаны тебѣ жизнью,—
Багера и я!..

— Нечего толковать о томъ... Гдѣ же собствен-
но дѣтенышъ человѣка?

— Я здѣсь, въ западнѣ. Я не могу вылѣзти
отсюда!..

Изломъ упавшей крыши закрывалъ ему выходъ.

— Возьми его оттуда какъ можно скорѣе. Онъ
прыгаетъ тамъ, какъ павлинъ Мооръ. Онъ раз-
давить всѣхъ нашихъ дѣтей!—закричали кобры.

— Ха!..—крикнулъ Каа.—У него всюду друзья
и друзья... Молодецъ, право!.. Ну, берегись, ма-
ленькій человѣкъ!.. И вы, ядовитый народъ,
спрячьтесь со своими змѣенышами!.. Я проломлю
сейчасъ стѣну!..

Каа внимательно осмотрѣлъ всю стѣну, пока
не нашелъ въ ней впадины, размытой дождями;
это было самое слабое мѣсто въ стѣнѣ.

Каа нѣсколько разъ слегка ударилъ головой

въ стѣну, чтобы найти вѣрную точку и соразмѣрить разстояніе, по которому ему надо дѣлать размахъ головой... Потомъ онъ поднялся во всю длину, на высоту сажени, и изо всѣхъ силъ сталъ бить въ намѣченную точку въ стѣнѣ—разъ, два, три... Каменная стѣна глухо отдавала сильные удары, словно вздыхала и вздрагивала, и вдругъ рухнула съ грохотомъ, и цѣлое облако пыли поднялось надъ Каа... Маугли тотчасъ выпрыгнулъ въ пробитый ходъ, бросился къ Багерѣ и Бало, сталъ между ними и нѣжно обнялъ обоихъ друзей...

— Живъ ты и невредимъ? — спросилъ Бало, нѣжно заключая его между лапами.

— Я голоденъ, и все тѣло у меня словно избито. Но...о!.. Какъ онѣ страшно отдѣлали васъ!.. Вы оба покрыты кровью!..

— Да, ничего не подѣлаешь!— сказалъ Бало, облизывая искусанные губы и поглядывая на сраженныхъ вокругъ ихъ обезьянъ ..—Но ничего, все пустяки... Хорошо, что ты то живъ и цѣлъ... О, ты, моя лучшая, умнѣйшая, маленькая, медовая лягушка!..

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ и послѣ!— холодно сказала Багера Маугли. — Вонъ Каа, которому мы обязаны побѣдой, а ты, Маугли,— жизнью... Подойди къ нему и передай ему и нашу, и свою благодарность.

Маугли повернулся и увидалъ надъ собой на

высотѣ двухъ сажень голову питона, которая раскачивалась изъ стороны въ сторону.

— Итакъ, это и есть человѣчекъ! — сказалъ Каа. — Очень мягка его кожа, и довольно-таки схожъ онъ съ племенемъ Бандаръ-Лога. Но берегись ты, маленькій человѣкъ, какъ бы я тебя какъ-нибудь въ сумеркахъ не принялъ за обезьяну, особенно послѣ того, какъ смѣню свою кожу.

— И ты, и я; и я, и ты,—

Одной съ тобой мы оба крови!..

отвѣтилъ ему Маугли.—Ты спасъ меня сегодня отъ смерти, и потому въ будущемъ тебѣ принадлежить все, что я ни добуду на охотѣ, когда ты проголодаешься, Каа!..

— Очень благодаренъ тебѣ, сыночекъ!—серьезно сказалъ Каа, хитро и плутовски блестя глазами.—А какую дичь можетъ убить такой отважный охотникъ, какъ ты?.. Я спрашиваю это затѣмъ, чтобы послѣдовать за тобою, когда ты отправишься на охоту?..

— Я никого не убиваю теперь, — пока я еще малъ для того; но когда меня берутъ на охоту, то я загоняю къ моимъ друзьямъ навстрѣчу дикихъ козъ. А это дѣло я знаю куда какъ хорошо!.. Когда ты проголодаешься, приходи ко мнѣ, и я докажу тебѣ на дѣлѣ, что это правда!.. А кромѣ того, я быстро и ловко могу управляться вотъ этими штукаами, — онъ указалъ на свои руки, — и если ты когда-нибудь попадешь въ ловушку, то я, быть - можетъ, заплачу

тебѣ свой долгъ... тебѣ и Багерѣ, и Бало... потому что... вы вѣдь всѣ бились за меня... Удачной охоты вамъ всѣмъ за то!..

— Вотъ это мнѣ нравится, — пробурчалъ Бало, потому что Маугли очень хорошо выразилъ свою благодарность.

Каа опустилъ свою голову ниже и осторожно положилъ ее на плечо Маугли.

— У тебя доброе сердце, человѣчекъ, — прошипѣлъ, онъ, — и благородный языкъ при томъ. Ты съ этимъ многого достигнешь въ джунгляхъ. Но уходи скорѣе прочь отсюда. Иди и ложись спать, потому что луна заходитъ за горы, и что будетъ дальше, того тебѣ не надо видѣть, сыночекъ!..

Серебряный бликъ луны опустился за черные силуэты холмовъ и бросалъ легкій отсвѣтъ на длинные ряды обезьянъ, которыя, дрожа, застыли на стѣнахъ, словно онѣ были какія-то необычныя украшенія ихъ. Бало отправился къ бассейну освѣжиться немного; Багера облизывала и приводила въ порядокъ взъерошенную мокрую шерсть, а Каа медленно выскользнулъ на средину террасы, и едва только онъ поднялъ голову и съ шумомъ щелкнулъ челюстями, всѣ глаза обезьянъ блестящимъ взоромъ обратились на него.

— Луна заходитъ! — сказалъ Каа. — Всѣ ли вы меня видите?..

Словно вѣтеръ пронесся по вершинамъ, это раздался испуганный шопотъ обезьянъ:

— Мы видимъ тебя, Каа!..

— Хорошо! . Сейчасъ начнется танецъ Каа,— танецъ голода Каа!.. Сидите смирно! Будьте внимательны!..

Онъ сдѣлалъ безшумно два-три круга по террасѣ и все время наклонялъ голову то направо, то налево, словно въ тактъ какой-то таинственной музыкѣ. Потомъ онъ сталъ быстро-быстро извиваться своимъ страшнымъ тѣломъ туда и сюда, сталъ выхлестывать имъ то странные, огромные петли и узлы, таинственныя фигуры, которыя, казалось, жили сами по себѣ и безшумно въ одно мгновеніе расползались врозь, то — ровные треугольники, которые измѣнялись, и безостановочно измѣнялись въ квадраты, то-кольца и замысловатые арабески; огромное пестрое тѣло Каа мгновенно припадало къ землѣ, словно уходило въ нее, а потомъ спиралью взвивалось кверху, все колеблясь, извиваясь, извиваясь и извиваясь, а легкое, ужасное шипѣніе—пѣснь Каа—раздавалось какой-то волшебной, чарующей мелодіей.

Бало и Багера стояли тихо-тихо, какъ-будто въ землю вросли ихъ лапы; въ глоткѣ ихъ дыханіе мучительно спиралось, шерсть дыбомъ становилась на хребтахъ, а Маугли стоялъ и смотрѣлъ съ ужасомъ и удивленіемъ на это зрѣлище.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Страшныя фигуры исчезали изъ глазъ во тьмѣ; но во тьмѣ тѣмъ ужаснѣе можно было ясно слы-

шать шелестъ и шуршаніе страшныхъ колесъ тѣла Каа.

— Бандаръ-Логъ!.. — раздался, наконецъ, голосъ Каа, — голубочки мои!.. Можете ли вы ногами или руками шевельнуть противъ моей воли? Говорите!..

— Нѣтъ, не можемъ, Каа!..—словно вздохнули обезьяны.

— И это хорошо, мои послушныя дѣточки! Идите сюда ко мнѣ, немножко поближе, ко мнѣ, доброму, старому Каа... Ну, всѣ на одинъ шагъ!..

Безсильно, безвольно двинулись къ Каа ряды обезьянъ. И Багера, и Бало механически ступили тоже впередъ, подчиняясь приказу Каа.

— Ближе!—прошипѣлъ Каа, и обезьяны послушались его.

Маугли положилъ руки на Бало и Багеру; но онъ долженъ былъ крѣпко стиснуть руками ихъ, прежде чѣмъ они словно очнулись отъ какого-то тяжелаго сна.

— Не выпускай меня!..—простонала Багера.— Не отпускай меня отъ себя, а то я пойду, я должна пойти къ Каа!.. Ааа!..

— Что съ тобой?.. Вѣдь это — всего только глупый Каа, который выхлестываетъ на землѣ свои фигуры! — сказалъ Маугли. — Но уйдемъ лучше отсюда!..

И всѣ они трое бросились чрезъ разрушенную стѣну на волю и побѣжали въ глубь джунглей...

— Фууу! — вздохнулъ съ облегченіемъ Бало,

очутившись снова подъ родными деревьями.— Никогда ужъ больше во всю мою жизнь не стану я охотиться съ этимъ страшнымъ Қаа.

Онъ трясся всѣмъ тѣломъ и не могъ придти въ себя.

— Онъ... онъ... въ немъ больше силы, чѣмъ во всѣхъ насъ троихъ! — сказала Багера, дрожа тоже. — Останься я тамъ еще только немного, минутки двѣ, — я бы добровольно бросилась въ его пасть!..

— Многіе бросятся туда, прежде чѣмъ снова заблеститъ луна,—промолвилъ Бало.— Да, у него ловкіе приемы, хорошо умѣетъ охотиться этотъ Қаа!..

— Однако, что же все это значить?—спросилъ Маугли, который не зналъ, чему ему больше удивляться, —на Қаа или на странное состояніе его обоихъ друзей.— А я только и замѣтилъ, какъ этотъ глупый питонъ выхлестывалъ круги за кругами, словно хотѣлъ вывернуть себѣ спину. О!.. А его носъ былъ разбитъ вдребезги, до крови!.. О-хо-хо!..

— Маугли,—огрызнулась Багера,—если онъ и разбилъ себѣ въ кровь носъ, то вѣдь это *ради тебя одного!*.. Точно такъ же, какъ и у меня исцарапаны и изранены уши и лапы тоже ради тебя!.. А посмотри только на твоего стараго учителя Бало, какъ растерзанъ онъ... Все, все это сдѣлано изъ-за тебя!.. Не скоро поправимся мы и примемся за охоту опять-таки изъ-за тебя!..

— Ну, оставь, чего тамъ! — пробурчалъ Бало. — Самое главное — человѣчекъ-то этотъ опять съ нами.

— Это-то такъ, а все-таки мы дорогой цѣной выкупали его. Подумай только, сколько потеряли мы времени, сколько крови, шерсти, а кромѣ того — и честь, и видъ!.. Я, черная пантера, унилась до того, что позвала на помощь Каа... А потомъ и ты, Бало, и я — мы не устояли передъ пляской голода его... мы забыли, кто были мы... И все это произошло, благодаря игрѣ этого малыша съ племенемъ Бандаръ-Логъ!..

— Правда!.. И все это чистѣйшая правда!.. — воскликнулъ Маугли съ раскаяніемъ въ голосъ. — Я несносное существо, и забота о васъ просто поѣдомъ ѣсть меня!..

— Ага!.. А что говорить о томъ законъ джунглей, Бало?..

Не хотѣлось сильно Бало снова учить своего ученика уму-разуму, но противъ закона дѣлать было нечего, и онъ потому пробормоталъ:

— Раскаяніе не освобождаетъ отъ наказанія. Но подумай, Багера, — онъ такой еще маленькій!..

— Я знаю... но онъ сдѣлалъ несправедливость и за это долженъ получить нѣсколько ударовъ. Маугли, можешь ты что-нибудь сказать противъ этого?

— Нѣтъ, я сдѣлалъ большую несправедливость. Ты и Бало — вы обливаетесь кровью. Я заслужилъ наказаніе.

Багера ударила его разъ шесть, — она ударила его слегка, съ лаской пантеры, — и эти удары, пожалуй, не разбудили бы ея дѣтенышей, но для семилѣтняго ребенка, какимъ былъ Маугли, они были очень чувствительны.

Маугли только встряхнулся, чихнулъ, потеръ ушибленное мѣсто, но и слова не сказалъ на это.

— Ну, — пробурчала Багера, — прыгай на мою спину, маленькій братъ, — пора и домой!..

Это чудное правило выработано въ законъ джунглей: когда наказаніе совершено, — все уже забыто, все прощено и идетъ по-старому. Нечего дальше продолжать ворчать и сердиться втихомолку.

Маугли спокойно растянулся на спинѣ Багеры и крѣпко-крѣпко заснулъ! Во все время ихъ пути онъ не приходилъ въ себя, даже тогда, когда его друзья осторожно положили на траву около пещеры его родныхъ-волковъ.

